

Лирика А. Пушкина

и «Татьяны милый идеал»

И. В. УВАРОВА

Краснодарский пединститут

«Цель художества есть идеал».

А. С. Пушкин.

«Евгений Онегин», — по словам В. Г. Белинского, — самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии... Здесь вся его жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы».¹ В словах великого критика заключено глубокое определение пушкинского романа, которое еще долго будет изучаться наукой.

Советская эстетическая наука немало сделала для разъяснения понятия эстетического идеала с марксистско-ленинских позиций и оценки его неизмеримой важности в искусстве и жизни.

Эстетический идеал — составная часть общественного идеала поэта. Он проявляется в идейно-направленных эстетических оценках явлений действительности как прекрасных, возвышенных, комических, безобразных и т. п. Общественная жизнь, тенденции и пути ее развития составляют сущность эстетического идеала. Человеческие судьбы, характеры, поступки — вот форма его проявления.

«Исторически прогрессивный эстетический идеал — это всегда проникновение в самую сокровенную сущность деяний

¹ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 431.

и дум человека, отражение коренных тенденций и закономерностей общественного развития».²

В статье «Критический взгляд на современные эстетические понятия» Н. Г. Чернышевский писал: «Красотою в человеке нам представляется то, в чем видим мы выражение жизни и, в частности, такой жизни, которая очаровывает нас, такой жизни, к которой мы чувствуем влечение», в которой «проявляется наш идеал, цель и предмет наших желаний и любви»³. Классическая формула Чернышевского со всей определенностью показывает, что эстетический идеал есть выражение жизни, представление о жизни, которую мы считаем прекрасной.

В отличие от общественного идеала в широком смысле слова, политического, нравственного и т. д. эстетический идеал по форме своей всегда конкретно-чувствен, так как таково эстетическое восприятие, он эмоционален, оценочен, пластичен. Поэтому можно сказать, что эстетический идеал — это отражение лучшего и прекрасного в действительности в перспективе его развития, в целостной, конкретно-чувственной форме.

Об этом хорошо говорит А. Егоров: «Наиболее полно общественно-эстетические идеалы эпохи находят свое выражение в произведениях литературы и искусства... Художник выводит наружу то, что порой еще слабо мерцает или даже дремлет в сознании общества, но уже пробивает себе дорогу».⁴

Носителем эстетического идеала является положительный герой. Ю. Барабаш в статье «Высокие цели творчества» справедливо замечает: «... ни в чем другом с такой наглядностью, с такой живой убедительностью, как именно в избранном художником герое, не проявляются его представления о том, что прекрасно и что безобразно в этом мире, каков есть и каким должен быть человек...»⁵ Эстетический идеал художника и общества выражается в произведениях литературного творчества.

Как мы видим, положительные художественные образы играют важную роль в формировании эстетического идеала, но отнюдь не сводятся к ним. Понятие эстетического идеала гораздо шире. В данной статье мы не ставим перед собой задачи всесторонне рассмотреть эту проблему. Мы остановимся

² О. В. Лармин. Эстетический идеал и современность, изд. МГУ, 1964, стр. 57.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1939—53, стр. 146.

⁴ А. Егоров. Искусство и общественная жизнь. «Сов. писатель», М., 1959, стр. 121.

⁵ Газета «Правда» от 26 февраля 1965 года.

лишь на одной из ее сторон, будем говорить о положительном герое Пушкина, о его «милом», «верном» идеале, о Татьяне Лариной как воплощении эстетического идеала поэта. В словоупотреблении Пушкина понятие «идеал» означало высшую степень человеческого и общественного совершенства, оно служило критерием оценки явлений жизни поэтом. Его «идеалом» было такое содержание жизни, которое делает существование человека осмысленным, одухотворенным высокой целью... Понятие идеала конкретизировалось у Пушкина также и в представлении о положительном герое; таково определение Татьяны Лариной: «милый идеал».⁶

В ней проявилось все то лучшее, что видел поэт в русских девушках и женщинах той поры, все то нравственное и прекрасное, что внушало людям время, выдвинувшее богатырей, кованных из чистой стали — декабристов: патриотизм, гуманизм, неудовлетворенность крепостничеством, отвращение ко всему жестокому, низкому, высокому чувству долга, нравственная чистота, внутренняя красота человека.

Но сразу ли нашел поэт этот совершенный образ, свой идеал, «милую Татьяну»?

В лирике Пушкина воплотился процесс поисков и формирования его эстетического идеала. «Идеал есть идея, воплощенная в индивидууме»,⁷ — так определил идеал Э. Кант. В этом определении есть рациональное зерно. Идеал в искусстве действительно всегда воплощался в индивидууме. По словам А. А. Фадеева, «Татьяна — это собирательный образ русской женщины. В живой жизни можно было видеть рассеянные черты такой Татьяны, — образ Татьяны, обобщенный, собранный из этих разрозненных черт в единый идеализированный образ русской девушки и женщины, есть величайшая победа реализма... Пушкин сам говорит о Татьяне: «Мой верный идеал».⁸

О воплощении в образе Татьяны лучших черт женщин того времени писал и Н. Л. Бродский: «Современники романа, мемуаристы и исследователи указывали на многих, кто был, по их мнению, прообразом Татьяны: Е. Н. Вульф-Вревская, А. П. Керн, графиня Е. К. Воронцова, М. Н. Раевская-Волконская, Е. А. Стройновская, Н. Д. Фонвизина и другие встречаются в этом перечне прототипов героини романа, но совершенно ясно, что Татьяна, — «верный идеал» Пушкина, не могла быть портретом, точным снимком с какого-либо из знако-

⁶ Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха, ГИХЛ, М., 1958, стр. 457.

⁷ О. В. Лармон. Эстетический идеал и современность. Изд. МГУ, 1964, стр. 10.

⁸ А. А. Фадеев. За тридцать лет. Изд. «Сов. писатель», 1957, стр. 851:

мых автора романа; она была сгущенным отражением тех бытовых деталей, в окружавшей его общественной среде, которые слагались в его сознании в желанный, «идеальный» тип подлинной дворянки, способной оздоровить дворянскую семью, и вообще хорошей русской женщины». ⁹

Итак, эстетический идеал предполагает необходимость совпадения множества образов, жизненных впечатлений, тысяч непосредственных эстетических представлений. Они «как бы накладываются друг на друга... и в результате длительного процесса такого «интегрирования» и наложения множества «негативов» друг на друга в общественном сознании возникает единый конкретно-чувственный образ, очень разный в деталях, но в главных чертах сходный»... ¹⁰ Сложившись однажды, эстетический идеал становится тем «магическим кристаллом», через который художник рассматривает, преломляет и оценивает отображаемую им действительность». ¹¹

Сквозь «магический кристалл» идеала прекрасного и видел Пушкин свою Татьяну. Не раз возникал в чем-то родственный ей женский образ в восприятиях «лирического я» поэта в его стихотворениях.

Многочисленны и разнообразны пути реализации прекрасного в поэзии Пушкина.

В соответствии с законами жанра, в лирических стихотворениях мы не встречаем «объективно» разработанных характеров, конфликтов, событий. Различные грани идеала раскрываются в лирике сквозь «магический кристалл» восприятия автора, в данных в этом восприятии картинах природы и характерах людей. В любовной лирике рядом с полной красоты любящей душой лирического героя вырисовываются и образы женщин, к которым обращено его чувство.

Найденные поэтом в жизни черты русских женщин, с такою красотой воплотившиеся в образе Татьяны, были рассеяны во многих лирических стихотворениях 20—30-х годов. Каждое из них вносит в этот образ что-то свое, приоткрывает новые его стороны. Внимательное изучение лирики Пушкина приводит к выводу, что в характере Татьяны и характерах положительных героинь его лирической поэзии выразился единый эстетический идеал.

⁹ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин» — роман А. С. Пушкина. Упедгиз, 1950, стр. 315.

¹⁰ О. В. Лармин. Эстетический идеал и современность. Изд. МГУ, 1964, стр. 56.

¹¹ Там же, стр. 58.

Образ женщины в лирике поэта типичен и глубоко индивидуален, неповторим в своем конкретном выражении. Индивидуальное богатство, широту и разнообразие проявления характера, мыслей и чувств мы находим в каждом стихотворении поэта. Каждая из женщин, портрет которой возникает в его лирике, имеет свою судьбу, облик, свой особенный внутренний мир, отличные от судьбы и внутреннего мира Татьяны, но типические черты роднят их с Татьяной, ярчайшим собирательным образом передовой русской женщины той эпохи.

Обратимся непосредственно к лирике Пушкина и попробуем найти в стихотворениях те разрозненные, часто едва уловимые черты женского характера, которые привлекли поэта в жизни и которые затем так отчетливо воплотились в его «милом идеале». Предварительно скажем, что Татьяна в первых главах романа близка к героине пушкинской лирики 20-х годов, а Татьяна 8-й главы — к печальной, далекой от света, но вынужденной бывать в нем женщине лирических стихотворений 30-х годов.

Начиная свой путь поэта, Пушкин, естественно, следовал за своими предшественниками. Более всего увлекался он лирикой Батюшкова, носившей на себе печать духа времени и новизны. Однако вскоре образ женщины, характерный для лирики этого поэта, потерял для Пушкина свое обаяние. В стихотворении «Погасло дневное светило» поэт признается, что порывает с прежними идеалами. Начинаются поиски нового.

В стихотворении «Дорида» перед нами предстает женщина, в которой герою

... нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые...
В ее объятиях я негу пил душой—
Я таял

признается он. Образ героини решен во внешнем плане, без внутренней психологической глубины.

Нетрудно в этом женском портрете найти сходство с некоторыми деталями портрета Ольги Лариной:

Глаза, как небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге...

Пропуск метрических ударений и постоянное повторение плавного звука «л» придают стиху и в том, и в другом случае своеобразный оттенок легкости, вполне соответствующий характеру нарисованного. Однако при всем увлечении герою должен сказать свое «но».

...но среди неверной темноты
Другие милые мне виделась черты.
(«Дорида».)

Какие это другие черты, поэт еще ясно не представляет, но они ему милы. Важно стремление к этому другому, более глубокому и содержательному. В «Евгении Онегине» мысли автора об Ольге более определены:

...но любой роман
Вниманию каждый звук речей. —
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Если в «Дориде» герою говорит о «других милых» чертах, еще далеких и не вполне ясных, то автор «Евгения Онегина» характеру Ольги уже противопоставляет иной характер.

Вернемся, однако, к ранней лирике.

Перед нами девушка с «нежной красотой», с «тихой ясной душой» (Стихотворение «Увы, зачем она блистает», 1819 год. По мнению исследователей, оно посвящено Елене Раевской).

Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

Этот образ контрастен образу Дориды. Портретные черты заменяются психологическими: нежная красота, тихая ясная душа.

В ряде стихотворений нежный образ девы, полный дум и сердечного чувства, Пушкин рисует на фоне природы:

Редет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;

И дева юная во мгле тебя искала

И именем своим подругам называла.
(«Редает облаков летучая гряда».)

Татьяна «русская душою» тоже с юных лет полюбила родную природу. Среди лесов и полей живее работало ее воображение, обогащались ее чувства:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод...
Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить.

Это обращение к природе, к прекрасному в ней в минуты тревог и раздумий роднит обеих девушек. Тиши лесов, мгле ночи, звездам рассвета они могут доверять свои мечты, а не блестящим гостиним, пошлому обществу. Так начинается представление о «милом идеале» своего времени, все чаще привлекает поэта этот своеобразный и милый образ необычной девушки. Ее пыливый ум, доверчивая душа, светлая совесть так близки ему:

Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день.
(«Мой друг, забыты мной»).

Возникает образ той, которая, «придавшись умиленью»,

Печальные стихи твердила в тишине.
(«Умолкну скоро я»).

И здесь нельзя не вспомнить, что Татьяна

... в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты...

Ее, может быть, не сразу и заметишь, но, заметив однажды, не сможешь.

Иную замечать, иных искать очей.
(«Дева».)

А в противовес этому образу в стихотворении «Красавица перед зеркалом», написанном в том же 1821 г., дается тип женщины, которая

...пред зеркалом цветами окружает,
Играет ложноном — и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

«Надо сказать, — пишет И. А. Гончаров, — что у нас в литературе (да я думаю и везде) особенно два главных образа женщин постоянно являются в произведениях слова параллельно, как две противоположности: характер положительный — пушкинская Ольга и идеальный — его же Татьяна. Один — безусловно, пассивное выражение эпохи, тип, отливающийся, как воск, в готовую, господствующую форму. Другой — с инстинктами самосознания, самобытности, самостоятельности. Оттого первый ясен, открыт, понятен сразу (Ольга в «Онегине», Варвара в «Грозе»). Другой, напротив, своеобразен, ищет сам своего выражения и формы, кажется таинственным, малоуловимым...»¹²

Так параллельно предстают эти два типа женских образов и в лирике А. С. Пушкина. Один — неглубокий, рисующийся только в портретных чертах и так легко сопоставляющийся с Ольгой Лариной. Другой — содержательный, с богатым внутренним миром, передаваемым через психологические детали. Но указать на прямое сходство между ним и Татьяной Лариной на материале разобранных стихотворений еще нельзя. Однако можно заметить, что и героиню лирических стихов, и Татьяну объединяет резкое отличие от окружающих: глубоко скрытая работа мысли, задумчивость, чистота, чувство прекрасного, любовь к поэзии и природе, уединение от пошлого общества. Как уже говорилось, в отличие от характеров, напоминающих Ольгу, характеры, близкие Татьяне, лишены ярких портретных черт, что заменяется у них богатством внутреннего содержания, глубокой духовной и эмоциональной жизнью. Портреты женщин типа Ольги еще больше оттеняют, подчеркивают своеобразие, глубину, утонченность характеров, подобных Татьяне.

В лирике двадцатых годов пушкинские симпатии всегда на стороне не совсем еще определенно вырисовывающегося, но бесконечно дорогого образа девушки с «ясной, чистой, светлой душой».

Лаконичные восемь строк стихотворения «Ночь» проникнуты горячим внутренним лиризмом, глубокой эмоционально-

¹² И. А. Гончаров. Собр. соч. в 8 томах, т. 8. М., 1955, стр. 77—78.

стью. Это голос нежного друга, образ женщины, которой полны стихи — «ручьи любви». Образ очерчен психологически: герою представляются во тьме блистающие, улыбающиеся глаза, звуки трепетного прерывающегося голоса:

Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!

И как не вспомнить письмо Татьяны, силу и прямоту ее скромного целомудренного чувства:

Другой! ... Нет никому на свете
Не отдала бы сердце я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя.

И здесь не по «науке страсти нежной», без «обольстительных затей» произнесено: «ТВОЯ».

Пустое Вы сердечным ты
Она, обмолвись, заменила, —

сказал поэт в стихотворении «Ты и Вы».

И Татьяна всю вторую половину письма пишет с этим «сердечным ты».

В противовес образу, очерченному в стихотворении «Ночь», в стихотворении «Простишь ли мне ревнивые мечты» возникает портрет той, что «окружена поклонников толпой и всех дарит надеждою пустой».

В лирической поэзии 1824 г. А. С. Пушкин с новой силой говорит о том, что он не станет посвящать стихов пошлым женщинам света. Он вспоминает, что, бывало,

... средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.

Что мне до них?

Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.

(«Разговор книгопродавца с поэтом».)

Так по контрасту с женщинами шумного света, внешне блестящими, но внутренне опустошенными, рождается облик

женщины, которая поймет поэта, разделит его задушевные мысли:

Она одна бы разумела
Стихи неясные мои.

(«Разговор книгопродавца с поэтом»).

Близок к этому женский портрет в стихотворении «Кн. М. А. Голицыной-Суворовой» (1823 г.), героиня которого запомнила «поэта стих, унынья звук живой», вняла «лире слез и тайной муке». И как это похоже на Татьяну, ее думы о «лире» Ленского. Татьяна чужда пошлому окружению, она одинока, Пушкин много раз говорит об этом: «И часто, целый день одна сидела молча у окна», «Татьяна в тишине лесов одна с опасной книгой бродит», «Поди, оставь меня одну», «И в одиночестве жестоком сильнее страсть ее горит».

Одинока и героиня лирики Пушкина. В стихотворении «Ненастный день потух» поэт несколько раз обращается к теме одиночества женщины:

Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна...

(«Ненастный день потух».)

Сколько сочувствия, сколько сдержанной боли таится между строк. А это дважды повторенное и поставленное рядом слово «одна». Оно помогает глубже осознать одиночество героини среди чуждого общества, когда, как стон страдания, звучат слова «никто меня не понимает». Идеал поэта, образ, по выражению В. Г. Белинского, «гениальной натуры», находящейся в противоречии с «окружающим миром», становится все ярче.

В 1824 году Пушкин написал стихотворение «Ты вянешь и молчишь». Девушка, изображенная в нем, стоит очень близко к Татьяне Лариной по своему духовному облику, привычкам, характеру проявления чувств. Ее портрет решается в том же стилевом плане; даже о своей героине и Татьяне поэт часто говорит одними и теми же словами:

Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживляются,

— пишет Пушкин о героине стихотворения «Ты вянешь и молчишь».

Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склоняясь на пальцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна,

— говорит он о Татьяне. Героини очень похожи друг на друга.

Ты втайне ждешь его

(«Ты вянешь и молчишь»)
Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет, как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
(«Евгений Онегин».)

О том, что Татьяна ждет, говорит не только последняя строчка. Пожалуй, больше мы это чувствуем по метафоре «день протек»; глагол «протек», употребленный в переносном смысле, дает зримый образ медленного течения времени.

Параллелизм мотивов видим и далее:

Идет, и ты бежишь.
(«Ты вянешь и молчишь».)

Вдруг топот! ... кровь ее застыла.
Вот ближе! Скачут... и на двор
Евгений! «Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени.
С крыльца на двор и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

(«Евгений Онегин».)

Действия одни и те же, но в «Евгении Онегине» Пушкин как бы развертывает нам скупую, но емкую фразу лирического стихотворения в стремительное описание, что свойственно природе эпоса. Народная форма «прыг», выражающая мгновенное действие, дважды повторенное «летит», поток существительных при описании мест, которые обежала Татьяна (куртины, мостики, лужок, аллею к озеру, лесок...), поток глаголов (обежала, переломала, летя, задыхаясь, упала), выражающих стремительность действий Татьяны, в широкой

и полной картине рисует то, о чем одним словом сказано в стихотворении.

Но главное, конечно, в том, что и в нем и в романе представлен один и тот же тип девушки, душа которой увядает в одиночестве и печали в чуждой ей среде:

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает.
(«Ты вянешь и молчишь».)

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!
(«Евгений Онегин».)

И часто рассказывает нам Пушкин о своей «печальной Тане»:

Одна, печальна, под окном,
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить.

(«Евгений Онегин».)

. . . безмолвно любишь ты грустить.
(«Ты вянешь и молчишь».)

Как мы видим, героиня стихотворения и Татьяна близки друг другу.

Близок к девушке стихотворения «Ты вянешь и молчишь» и Татьяне образ из стихотворения «Под небом голубым страны своей родной она томилась, увядала».

Полный прелести, обаяния и душевной красоты образ возникает в стихотворении «Сожженное письмо» (1825 г.). Читая его, мы начинаем понимать, как близки чувства и мысли Пушкина чувствам его любимых героев. «Сожженное письмо» — это целая поэма о сожженной любви. Судьба ее героини чем-то близка судьбе пушкинской Татьяны! Сжигая «письмо любви», поэт молит:

Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...
(«Сожженное письмо».)

Подобными же словами могла бы закончить печальную повесть своей любви и Татьяна:

Княгиня перед ним одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

В переживаниях героини много общего с переживаниями поэта. Названные нами нравственные черты женского характера в ранней пушкинской лирике с особенной полнотой возводятся в идеал внутренней красоты человека в стихотворении «Я помню чудное мгновенье». В нем, как и в «Сожженном письме», рисуется не облик женщины, а впечатление, которое она произвела на поэта. Впечатление это настолько сильно, глубоко и поэтично, что мгновение свидания навсегда сохранило в его душе великую человеческую красоту. «Гением чистой красоты» называет он эту женщину, говорит о ее «небесных чертах». Не раз возникавший в лирике образ ясной, чистой, светлой женской души

Душа твоя чиста...
(«Мой друг, забыты мной».)

И тихой, ясною душою
Страдальца душу усладить...
(«Увы, зачем она блистает».)

Чисты вы, как он.
И сердцем, и умом.
(«Т — прав, когда».)

Чистейшей прелести чистейший образец.
(«Мадонна»)

в стихотворении «Я помню чудное мгновенье» возвышается до эстетического идеала, до образа «гения чистой красоты». Любимые героини Пушкина настолько далеки от прозаической дворянской среды, от пошлой обыденности окружающего, что в его поэзии возникает образ божественной, небесной красоты как выражение отчужденности ее от всего «земного», крепостнического. Этот образ появляется в стихотворении «Ненастный день потух»:

Никто ее любви небесной не достоин.

В «Разговоре книгопродавца с поэтом»:

Земных восторгов излишня,
Как божеству, не нужно ей!..

«Как божество», — говорит Пушкин о героине «Чудного мгновения». Он видит ее небесные черты. Но эти же черты он называет «милыми», подчеркивая их земную красоту:

Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

В Татьяне поэт видит женщину с чистой, пламенной душой. Он не говорит о ее небесных чертах. Это более земной идеал, чем во многом, еще романтический идеал «Чудного мгновения». Но Пушкин часто употребляет эпитет «милая» — «мечтательница милая», «погибнешь, милая», «дева милая», «Татьяна милая». «Я так люблю Татьяну милую мою», — милое дитя» и т. д. Эпитет этот вообще широко распространен в романе, но связывается, главным образом, с Татьяной. Так земная красота человека настолько возвышается над безобразным окружающим обществом, что, являясь по-земному милой, воспринимается как идеал.

Татьяна так же страдает, скучает и грустит, как и героиня лирики Пушкина, как томился и грустил сам поэт. Чувство грусти, печали и скуки выражается в стихотворении «Зимняя дорога». Оно связано с настроением Пушкина после поражения декабрьского восстания. Печально, скучно, грустно и целый ряд эмоциональных эпитетов говорит об этом. Единственно светлым является знакомый уже нам милый образ женщины, которая разделяет страдания и тоску поэта, это тоже сестра Татьяне, которая одна понимала Ленского и Онегина.

Образ женщины вырисовывается и на фоне пейзажной лирики конца 20-х годов. В этот период романтические пейзажи моря и южных небес сменяются реалистическими картинами русской зимы, весны, осени, картинами сельской природы, простыми и глубоко привлекательными. На фоне русской сельской природы особенно наглядно ощущается «русская душа» любимых пушкинских героинь. Обратимся для примера к стихотворению «Зима. Что делать нам в деревне?». Пейзаж здесь служит фоном для бытовых зарисовок, но стихотворение завершается картиной, в которой сливаются образы русской зимы и «девы русской»:

Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.

Родственные мысли с гораздо большей силой воплотились в «Евгении Онегине», где на фоне зимы особенно национален облик героини:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодной красою
Любила русскую зиму...

Белинский характеризует Татьяну как «существо исключительное... редкий цветок, случайно выросший в расселине дикой скалы»¹³. Этот образ цветка, в котором воспринимал Белинский Татьяну, ассоциируется с портретом женщины, подобной Татьяне, в лирике. С ним мы встречаемся в стихотворении Пушкина «Цветок» (1828 г.). В нем воспет цветок — память «одинокого гулянья в тиши полей, в тени лесной». Это память о девушке такой же, как Татьяна, которая «в тишине лесов одна с опасной книгой бродит», «вставая с первыми лучами», спешит в поля, одиноко грустит в саду.

В лирических стихотворениях Пушкина возникает обаятельный образ русской женщины, воплощающий черты эстетического идеала поэта в том соединении красоты с драматизмом жизни, которое характерно для его творческого восприятия. Великолепно об этом сказал Герцен: «муза Пушкина — «не бледное существо, с расстроенными нервами, закутанное в саван, это женщина горячая, окруженная ореолом здоровья, слишком богатая искренними чувствами, чтобы искать воображаемых, достаточно несчастная, чтобы не выдумывать несчастья искусственные».¹⁴

Образ героини лирических стихов 20-х годов, как мы видим, был близок к образу Татьяны Лариной первых глав романа.

Во многих стихотворениях Пушкина рисуется отношение женщины к высшему свету. Это в основном лирические произведения поэта 30-х годов. Лирический герой и героиня этих стихотворений не находят себе места в блестящих гостиных. Если же они и вынуждены бывать там, то по складу ума, по мыслям и настроениям их сразу отличишь от остальных. В стихотворении «К С. Ф. Пушкиной» (1826 г.) поэт признается:

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

В этих четырех строках заключено содержание всей 8-й главы «Евгения Онегина», в них выражено отношение передовых

¹³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 483.

¹⁴ Сб. «Пушкин в русской критике». Госиздат, М., 1953, стр. 439.

людей к «докучному шуму столиц и двора», к пошлой, отравленной атмосфере светских гостиных.

Герой стихотворения счастлив вдали от великосветских забав, в уединении пустынных дубрав. Счастлива была бы покинуть свет и Татьяна:

Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад...

* Мы видим, как близки желания и настроения лирического героя и героини «Евгения Онегина». Вот, что пишет сам Пушкин в эти же годы в письме к П. А. Осиповой: «Жизнь эта, признаться, довольно пустая, и я горю желанием так или иначе изменить ее. Не знаю, приеду ли я еще в Михайловское. Однако мне бы хотелось этого. Признаюсь, сударыня, шум и сутолока Петербурга мне стали совершенно чужды — я с трудом переносу их. Я предпочитаю ваш чудный сад и прелестные берега Сороти».¹⁵

Еще раз убеждаемся в том, как много в Татьяне пушкинского, того, что роднит всех передовых людей, как полно воплощает в себе этот образ идеалы поэта. «Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну, — пишет В. К. Кюхельбекер. — Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, которым Пушкин преисполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет».¹⁶ Тема отчужденности передовой женщины от света настойчиво проводится Пушкиным и в ряде других стихотворений: «Княгине З. А. Волконской» (1827 г.), «Акафист Е. Н. Карамзиной» (1827 г.), «Портрет» (1828 г.). Эта женщина с «задумчивым челом» подобна Татьяне, подругой которой была задумчивость. В немом благоговенье внемлют ей окружающие. В стихотворении «Портрет» поэт говорит, что такие женщины иногда являются среди пустоты и пошлости:

С своей пылающей душой,
О жены севера, меж вами
Она является порой.

Пылающая, пламенная душа — редкое явление среди холодного, расчетливого света. Такова Татьяна. Она

¹⁵ А. Горд и н. Пушкинский заповедник. Госиздат, М., 1956, стр. 116.

¹⁶ Русские писатели XIX века о Пушкине. Госиздат, М., 1938, стр. 70.

. . . . от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным, —

читаем мы о Татьяне в первых главах романа. Но, по словам В. Г. Белинского, «страстно влюбленная, простая деревенская девушка, потом светская дама, Татьяна во всех положениях своей жизни всегда одна и та же: портрет ее в детстве, так мастерски написанный поэтом, впоследствии является только разившимся, но не изменившимся».¹⁷

Однако в лирике Пушкина этих лет встречается и иной образ женщины. В ней поражает красота, «движений стройность, осторожный разговор, хитрый смех и хитрый взор» («Подъезжая под Ижоры...»). И лирический герой признается:

Вы сами знаете давно,
Что Вас любить немудрено,
Что нежным взором Вы Армида,
Что легким станом Вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
(«Е. Н. Ушаковой, 1829 г.»)

Это женщины света. Герой лирических стихов, вынужденный, как и Татьяна, бывать в этой среде, говорит, что он делает это,

Упиваясь неприятно
Лмелем светской суеты.
(«Подъезжая под Ижоры...»)

И лирический герой Пушкина, и его Татьяна глубоко страдают.

В ряде стихотворений Пушкин создает образ женщины, которая

В тревоге пестрой и бесплодной
. . . . сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный.
(«Надпись на альбом Смирновой», 1832 г.)

т. е. то, что в человеке возводил поэт в идеал. В письме к жене от 30 октября 1833 г. он писал: «Ты знаешь, как я не люблю все, что не *comme il faut*; все, что *vulgar*. Если при мо-

¹⁷ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 482.

см возвращении я найду, что твой милый, простой аристокра-
тический тон изменился, разведусь, вот-те Христос, и пойду в
солдаты с горя».¹⁸ (Следует иметь ввиду, что понятия *comme*
il faut и *vulgar* здесь осмыслены по-пушкински: *vul-*
gar — все светское, жеманное, искусственное, лицемерное, не-
искреннее; *comme il faut* — это простота, скромность, иск-
ренность). Такой хотел видеть Пушкин Татьяну в 8-й главе
романа, и такой она предстает перед Онегиным.

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Lu comme il faut.

Это — характеристика достоинств при помощи отрицания,
особого рода контраст нравственного идеала с пошлой дейст-
вительностью. Благородство, простота, правдивость, гуман-
ность, внутренняя отчужденность от светского общества и
только мнимая, внешняя связь с ним — вот то самое суще-
ственное, что мило и дорого Пушкину в героине его стихо-
творений и в Татьяне.

В стихотворении «Красавица» Пушкин продолжает рисо-
вать свой идеал женщины, которая красива внутренней, ду-
ховной красотой, мыслями, поступками, тем, что «все в ней
гармония, все диво». Это выделяет ее из толпы светских кра-
савиц, и Пушкин пишет:

Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

При всей своей любви к Татьяне Пушкин тоже не делает
ее красавицей и ни разу не говорит об этом, если не считать
слов няни:

Да ты, красавица, готова!

Даже в пору высшего расцвета ее красоты никто, по словам
поэта, «не мог ее прекрасной назвать». А между тем ее не
могли затмить прославленные светские красавицы:

¹⁸ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. Учпед-
гиз, 1950, стр. 290.

Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронской,
Сей Клеопатрою Невы;
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

Татьяна красива не этой внешней красотой «блестящей Нины Воронской». Ее красота — внутренняя красота человека (Белинский). «Сила обаяния Татьяны,—как указывает Б. В. Нейман, — в «беспечной прелести», в отсутствии притязаний на успех, в ее душевной чистоте, в том, что все тихо, просто было в ней».¹⁹ И так же, как у героини стихотворения «Красавица», у Татьяны не было соперниц и подруг, в ее присутствии тускнел блеск красоты светских дам, она одна оставалась «величавой и небрежной законодательницей зал».

Все привлекало Пушкина в Татьяне: ее гуманизм, общность с передовыми людьми времени, сила чувств и ума, глубокая искренность, чистота, правдивость и, наконец, высокое нравственное чувство долга. В выборе между верностью долгу и чувством любви Татьяна отдала предпочтение первому. Пушкин отразил в своей героине черты лучших женщин своего круга: он знал, что многие жены декабристов поехали к своим мужьям-каторжанам во имя долга; ему была известна также история замужества и дальнейшей жизни Марии Раевской, вышедшей замуж за князя С. Волконского по решению родителей. А. Горелов подчеркивает: «Не вспомнить ли тут горького признания пушкинской героини:

Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны.»

Но жребий брошен — и 18-летняя женщина, движимая сознанием долга, отправляется в Сибирь, к мужу, сраженному в первой схватке за русскую свободу. Таково было благородное воплощение слов: «И буду век ему верна...»²⁰ Татьяна, как и Волконская, осталась верна долгу, верна самой себе, своим взглядам на жизнь, своему высокому пониманию слова «верность».

¹⁹ Журнал «Литература в школе», 1957, № 6, стр. 9.

²⁰ А. Горелов. Подвиг русской литературы, «Советский писатель», Л., 1957, стр. 126.

Жизненные впечатления воплощались в лирических стихотворениях, которые подготовили образ Татьяны Лариной, завершенный и обобщенный образ передовой русской женщины.

... Та, с которой образован
Татьяны милый идеал,

была не одна.

Н. Ястребова в статье «Категории эстетики в их отношениях к идеалу» справедливо замечает, что «идеал не обязательно должен быть взят во всем объеме своего эстетического значения. Это может быть, так сказать, «кусочек» идеала, только один из многих его аспектов».²¹

Мы рассмотрели одну из сторон эстетического идеала Пушкина, «кусочек» его. Эстетический идеал или отдельные его грани воплощаются в художественном произведении во всем богатстве его образной системы, в единстве художественных образов и картин.

Роман «Евгений Онегин» — энциклопедия русской жизни, поэтому в нем, как ни в каком другом произведении поэта, предстает перед нами его эстетический идеал, в образах положительных героев, в их симпатиях и антипатиях, в контрасте положительных образов со всем враждебным идеалу. Пушкин в романе изобразил «жизнь в свете своего представления о прекрасном, об эстетическом идеале, который в художественном произведении выступает прежде всего как определенный тип человеческого поведения».²²

С этой точки зрения, в «Евгении Онегине», где, по словам В. Г. Белинского, отразились вся душа, вся любовь Пушкина, все его чувства и понятия, воплотился какой-то своей стороной идеал поэта. «Мне нравились его черты», — замечает Пушкин об Онегине, симпатизирует вольнолюбивым мечтам и пылкому духу Ленского, с нежностью пишет о няне. Народные сцены и Россия, как она представлена в романе, помогают автору еще полнее нарисовать свой идеал. Более всего воплотился эстетический идеал Пушкина, вернее, одна из его граней, в положительном образе романа, в милой Татьяне.

Что же прекрасно в Татьяне, что мило и дорого поэту в ней? Прежде всего, отсутствие «идеальности», т. е. нравственной фальши, неестественности, уродливости. Татьяна своего рода норма, идеал человека для Пушкина, человек здоровый, гармоничный, красивый («прекрасный редкий цветок»),

²¹ Журнал «Вопросы литературы», 1964, № 11, стр. 131.

²² «Книга ведет в жизнь» под ред. Г. Д. Полозовой. Изд. АПН РСФСР, М., 1964, стр. 88.

каким он должен быть, когда «оковы тяжкие падут, темницы рухнут», и свобода встретит его. Таким образом, эстетический идеал поэта восходит к его общественному, политическому идеалу, раскрепощенному свободному человеку.

Прекрасное в Татьяне заключено в ее отчужденности от дворянского общества, в умении понять, что оно отживает свой век, что это «ветошь маскарада»; в одухотворенности и цельности ее натуры, в дочернем чувстве к народу, томившемуся под гнетом, в том, что она «русская душою», в высоком чувстве чести, долга.

И в то же время — это эстетический идеал, представленный в той грации, которая затмевает всех светских красавиц, заставляет тише проходить девиц, мужчин — кланяться ниже, а генерала поднимать выше всех нос и плечи.

Эстетический идеал Пушкина воплощался не только в образах Татьяны, лирического героя и героини его посланий и элегий. Дубровский, Пугачев и многие другие образы содержат в себе черты этого идеала. Воплощением его были лучшие представители эпохи — декабристы, чьи руки, рванувшиеся к мечам, обрели лишь оковы сибирской каторги. По этим образам мы судим об эстетических воззрениях Пушкина.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

От
ПУШКИНА

до
Б Л О К А

Сборник статей

КРАСНОДАР
1 9 6 8